ОЖИДАНИЯ И СВЕРШЕНИЯ

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

Ирина СТРЕЛКОВА

Кажется, нет ничего общего между карьеристом районного масштаба Ильей Дмитриевичем Божеумовым, шедшим в гору на чужой беде, и поселковым мелким хулиганом, пустоглазым Санькой Ерахой... Однако, если не дать отчаянный и опасный бой и тому, и другому, то будет очень худо всем хорошим и честным людям на родной нашей земле.

Темой отчаянного, рискового сопротивления всему дурному и темному, что может встретиться в жизни, близки между собой две повести Владимира Тендрякова: «Три мешка сорной пшеницы» и «Весенние перевертыши».

Владимир Тендряков почти всегда ставит читателя лицом к лицу с острой и конфликтной житейской ситуацией. Но при этом его герои как бы вовсе и не назначены жизнью для смелых решений и опасных драк, это не энергичные инженеры или агрономы, которые едут куда-то, чтобы начать борьбу со всем старым и отжившим. Любимый герой Тендрякова обладает характером спокойным, можно сказать, неактивным, он не ищет драки и, собственно, даже не очень-то к ней готов. Сама жизнь своим течением вдруг выносит его на опасное место и ставит перед необходимостью принимать на себя ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбы других людей. Чрезвычайно интересен Тендрякову такой вот процесс внутренней душевной перестройки, происходящей у его героев в моменты опасных житейских ситуаций. В своих исследованиях человеческого характера писатель проявляет большую зоркость и точность, он склонен «доказывать» свои повести, как доказывают теоремы, выстраивая для этого, быть может, слишком жесткую и логичную конструкцию. И если, скажем, у Валентина Распутина читатель повести «Деньги для Марии» как бы остановится перед последней дверью, так и не узнав, дал ли деньги родной брат, а в повести «Последний срок» останется неизвестным, почему же не приехала самая любимая дочь, то у Тендрякова итоги подводятся, как говорится, по всем статьям: в «Весенних перевертышах» и мальчик объяснится с девочкой, в которую влюблен, и отец его в подтверждение своей внутренней перемены поедет в город за нарциссами для матери, а в повести «Три мешка сорной пшеницы» Вера скажет Женьке, что ей нужна жизнь тихая, как у всех, а ему «с треском, со вспышечками», поэтому им надо расстаться — и они действительно станут друг другу чужими, и в этом разрыве им будет способствовать даже встреча с идущим умирать странником-убийцей Митрофаном, хотя эта же встреча могла бы в сблизить, соединить.

Каждый писатель интересен своим складом художественного мышления, своим обычаем высказывать все то, что он считает сегодня необходимым и жизненно важным. Лишь бы не было «литературного коекакничанья» (выражение Лескова), когда уже нельзя одного прозаика отличить от другого.

Мы сейчас привыкли мыслить большими категориями и решать в спорах глобальные проблемы. А три мешка сорной пшеницы? Ну что они значат на фоне великих исторических дел? Или, скажем, мальчишечья драка на школьном дворе?.. Стоит ли Дюшке с его-то поэтическим воображением, с его — это он уже знает — незаурядными способностями к математике кидаться в кулачки на равных с каким-то тупым и серым Санькой Ерахой? Стоит ли ему в жалкой слабости кирпич с собой таскать «для обороны»? Тем более, что Левка — самый сильный, самый красивый и самый умный — с Санькой вообще никаких дел не имеет. Не существует для умного Левки этот мелкий Санька, мучающий лягух и слабых ребятишек.

Тендряков со свойственной ему определенностью позиции обратился к современному аспекту вечной темы о малых и больших делах, совершаемых людьми.

Герой повести «Три мешка сорной пшеницы» Женька Тулупов возвращается с фронта с перебитой ногой и привозит случайно попавшуюся и полюбившуюся книгу «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы. И не просто книгу, а свою большую мечту о счастливой и справедливой жизни. Наивный мальчик с застенчиво румяной физиономией, в шинельке, тесно ушитой по талии, с разнеженно-теплыми глазами. «Барашек», — думают о нем деревенские старики. А ведь он на целую войну их и опытнее, и старше.

«Избаловались старички. Каждый из них твердо знает, что и завтра, и послезавтра увидит и это небо, и эти мокрые крыши... Он, Женька, много месяцев просыпался по утрам, видел солнце, видел облака, видел рыжую изрытую землю, все, что положено видеть человеку, но никогда не знал, что увидит это же вечером. Вечером для него могло не быть ни солнца, ни облаков, ни земли, ни воздуха».

С группой уполномоченных приехал Женька в соседний район, чтобы после хлебосдачи, когда все уже подметено начисто, добрать еще сколько-то пшеницы. Действует Женька под началом у Ильи Дмитриевича Божеумова, большого доки по такой части. Тип не новый для литературы—из прошлого нашей деревни,—но Тендряковым как бы заново уточненный: для божеумовых всеобщий народный героизм, всеобщая открытая совестливость — ах, какое же это удобное время для быстрой и нетрудной карьеры! Никчемный человечишка, бывший школьный завхоз по прозвищу Циркуль выдвигается в этакие погонялы при тех, кто и так тянет изо всех сил, не за страх, а за совесть. Героическое время рождает не только героев — таких, как председатель Совета Кистерев, не только самоотверженных тружеников—как председатель колхоза Адриан Фомич, не только талантливых организаторов — как Бахтьяров. В этом времени роятся и божеумовы, иной раз получающие возможность встать над Кистеревым, над Адрианом Фомичом, над Бахтьяровым. За три мешка сорной пшеницы, оставленной Адрианом Фомичом, чтобы к посевной по горсточке выдавать работникам, Божеумов отдает под суд честнейшего и добрейшего человека. А чем может ему помешать Женька Тулупов, человек из города Солнца? Да ничем. Бумагу не подписать. Да еще в последнем споре кинуть председателю райисполкома Чалкину, что сын его, погибший на фронте, бо́льшим рисковал — жизнью. А кто, кроме Женьки, молодого и горячего, мог бы ударить таким запрещенным приемом? Но именно это напоминание о сыне заставит Чалкина в решительную минуту принять сторону Бахтьярова, Кистерева, Женьки... Хотя для полного поражения Божеумова понадобится еще, чтобы отдал свою жизнь непримиримый Кистерев, когда-то сказавший Женьке: «Хоть сию минуту умру, лишь бы люди после меня улыбаться стали».

Женьке Тулупову первый его мирный бой приносит отказ от наивных утопий о справедливости, кем-то заранее расписанной и регламентированной однажды и навсегда. Справедливость не придумывается, не расписывается по мудрым положениям, она ежедневно утверждается не одним человеком, а всеми людьми вместе в самых простых житейских делах и стычках. И кажется Женьке Тулупову, что в ночь после его с товарищами победы над Божеумовым поворачивается колесо истории, начинает отсчет время новой жизни.

Вглядываясь в те давние дни из нашего сегодня, Владимир Тендряков дает своему герою предвидение того, что и дальше жизнь «...не будет легкой и гладкой, наверняка откроются новые сложности, наверняка пот, усталость и слезы тож...». Можно спорить, был или не был столь прозорлив реальный молодой «районщик» тех лет. Но не достоверности факта ищет писатель в крутых столкновениях тогдашнего времени. По факту и по случаю могли и так сойтись обстоятельства, что Божеумову удалось бы скрутить своих противников в бараний рог. Божеумовы, они умеют пользоваться в борьбе за свою карьеру любыми средствами, ничем не брезгуя. Но в этом как раз не сила их, а бессилие перед своим народом и перед быстрым ходом времени. А настоящая сила—за честным Адрианом Фомичом, за непримиримым Кистеревым, за деловым Бахтьяровым, за наивным молодым Женькой, который, может быть, не там прозорлив, где думает о колесе истории и угадывает трудности будущего, а там, где сорная пшеничка жжет ему ладонь и где он понимает, что никогда не простит себе, если отберет эти последние три мешка зерна пополам с сором.

Наверное, для писателя очень важно было показать, как в конфликте из-за трех этих мешков становятся плечом к плечу люди, в общем-то, очень разные. А посередке — честнейший добряк Адриан Фомич. Тендряков пишет уже знакомый читателю портрет деревенского праведника. Его Адриан Фомич и ребенка-сироту вырастил, и старуху чужую приютил, и пшеницу-то не припрятал в укромное место, а держит на виду. И вот этот чистой души человек по сути беззащитен перед Божеумовым, который всюду (в тылу) ищет врага и уверен, что «только бездельник незапятнанным может сохраниться в наши-то дни».

О деревенском беззащитном праведнике критикой уже сказано немало добрых и худых слов. Когда появился «Белый пароход» Чингиза Айтматова, была сформулирована критикой и такая якобы двойственность этого характера: добрый хранитель традиций Момун бессилен сопротивляться злу и может даже стать невольным орудием зла. Тендряков, всегда полемичный, своей новой повестью как бы вмешивается в давний спор. По Тендрякову, добрый и беззащитный праведник не в пустыне ведь живет, он окружен другими людьми, и жизнь не ставит над ним опыты в чистом, лабораторном виде: праведник-одиночка и злое зло. В эти опыты жизни всегда вмешиваются другие люди, бой один на один не бывает, бой всегда соединяет единомышленников. Не одними праведниками стоит земля и не одними драчливыми правдолюбцами, а содружеством самых разных людей.

В повести «Три мешка сорной пшеницы» — о трудностях деревни военных лет—живет высокая вера в человека, в деревенского труженика. Дочитывая последние строки о смерти Кистерева, о вызволении из беды Адриана Фомича, мы как бы добавляем к тогдашней нелегкой победе дорогих для нас людей над Божеумовым еще и свое сегодняшнее знание огромного пути, пройденного с тех пор колхозной деревней. Не пройти бы этого пути поколению Женьки Тулупова, если бы оно дало согнуть себя смолоду таким, как Божеумов. Вот о чем напоминает нам сегодня давний и такой крутой конфликт всего из-за трех мешков зерна пополам с сором.

Вторая повесть Владимира Тендрякова «Весенние перевертыши» переносит нас из военной деревни в сегодняшний рабочий поселок. И надо понять, почему же все-таки подрался с Санькой не самый сильный в поселке мальчишка — не Левка, а Дюшка.

Почему не Левка?

Мне представляется, что не случайно Владимир Тендряков написал свою повесть о Дюшке Тягунове как раз сейчас, когда в педагогике все явственней звучит тревога о том, что в среде школьников погоня за личными достижениями в науках, спорте ставится выше товарищества и идет нередко в ущерб душевным качествам преуспевающей личности, порождает эгоизм и карьеризм. Вырастут ли из таких юнцов когда-нибудь божеумовы? А это как жизнь повернет. На шестом десятке лет новой жизни нельзя уже списывать на пережитки прошлого возникающие на нашем пути отрицательные явления. Они — спутники быстрого и нелегкого продвижения вперед: и самодовольный юный пятеркоман, и злобный Санька, утверждающий через жестокость, выдаваемую им за смелость, свою власть над другими ребятами. Хоть в чем-то, да надо быть в наш век первым...

Если Женьку Тулупова острый конфликт втягивает в себя как раз в ту пору душевного успокоения, когда он понял, что остался жив и будет жить долго, то много лет спустя, в мирные, благополучные дни мальчика из дружной семьи Дюшку Тягунова жизнь сталкивает с Санькой именно в ту весну, когда он в тринадцать лет испытал первое чувство к девочке, когда «ясный, устойчивый мир стал играть с Дюшкой в перевертыши».

Как в воду сталкивает писатель своего юного героя. И не так прост выбор. Это с Левкиной умной книжкой понятно: прочитаешь до конца, будешь признан умным и достойным, не прочитаешь — останешься серым, «как все». А в поединке с Санькой Дюшке дано будет понять, как много значит для жизни других людей, устоит он или отступит: для Миньки, для Дюшкиных родителей, для Минькиного отца, для Левки, наконец... даже для Риммы, что похожа на жену Пушкина.

Перед нами типичный современный тринадцатилетний школьник, способный придумать свою гипотезу разного времени у кошки, которая в тринадцать лет уже старуха, и у человека, живущего на свете куда дольше. И очарование девочки, давно знакомой, ему открывает книга — пушкинские строки:

Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Дюшка, что называется, мыслящая натура. Он знает, что́ хорошо: учиться на пятерки, слушаться старших, каждое утро делать зарядку... Конечно, делать он всего этого не делал, однако на всякий случай и еще одно знание имелось: таких, как он, много. Весенние перевертыши опрокидывают привычный душевный комфорт маленького мыслителя, невообразимая начинается кутерьма, и Дюшке надо как бы сызнова утвердить себя на земле. Повесть Тендрякова, раскрывает тонкий и сложный процесс нравственного становления личности на пороге между детством и отрочеством, в ту самую пору, когда примелькавшемуся понятию ускоренного умственного развития сама жизнь как бы противопоставляет необходимость замедлить шаг и внимательно вглядеться во все, что вокруг. Читатель еще по Родьке из «Чудотворной» знает, как серьезно и глубоко постигается детская душа у Тендрякова. В «Весенних перевертышах» в образе Дюшки Тягунова, в муках добывающего свои истины, утверждаются чистота и сердечность — именно эти качества как самые драгоценные выносит тринадцатилетний мальчишка из своего первого серьезного испытания. Вот почему Дюшка, увидев, как его отец, энергичный и волевой, берется переустраивать судьбу Минькиного отца, «ковать счастье несчастным на их головах», со всем правом говорит взрослому: надо уметь слушать, о чем тебя просят, надо уважать в каждом человеке человека.

Первый бой за справедливость не приносит Дюшке геройских лавров. Нелепая драка, распухший нос. «Какой ужас!» — восклицает молодая учительница. А умный Левка, разнимавший дерущихся и схлопотавший синяк, не скроет от директора школы, что Дюшка таскал в портфеле кирпич. Но когда все обстоятельства сойдутся против мальчишки, ему на выручку придет самый, казалось бы, слабый, самый ненадежный — Минька. Себя подведет под Санькину неминучую месть, а товарища спасет.

В такие вот перевертыши сыграл с мальчишкой окружающий его мир, прекрасный и коварный. И Дюшкин мир останется прекрасным, даже если Римма, похожая на жену Пушкина, так и не поняла, какая щедрая душа у этого мальчишки. Не в том только радость, чтобы счастье само плыло в руки, а в том, чтобы ты сам, как можешь, как умеешь, утверждал справедливость на земле. Чтобы из детства во всю дальнейшую жизнь унес свой первый опыт: если таким, как Санька, будет хорошо, то тебе будет плохо.

Женька Тулупов из давних военных лет и Дюшка Тягунов, сегодняшний школьник. Оба они по натуре мечтатели, их роднят большие ожидания, с которыми они выходят на долгую дорогу. Город Солнца, теория относительности, возможность вновь повториться чьей-то уже прожитой жизни... Ничего этого не будет на земле, если ты сегодня поступишься самым малым, обойдешь стороной чью-то беду, на вершок отступишь перед неправдой. Так было, и так будет.

Владимир Тендряков. «Весенние перевертыши». «Новый мир», № 1, 1973. «Три мешка сорной пшеницы». «Наш современник», № 2, 1973.